

Алиса Дерикер

Память

рассказ

12+

Алиса Дерикер

Память

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67290549

SelfPub; 2022

Аннотация

Каково это – проснуться однажды с пустой головой? Понять, что ты не помнишь своей жизни, не знаешь своей истории, не узнаешь своих близких. Этот рассказ о нашей памяти – целом мире, вмещающем в себя не только прошлое и настоящее, но и ключ к будущему.

Алиса Дерикер

Память

Не могу сказать "я очнулся", ощущения возвращались очень медленно и постепенно. Сначала возникло чувство "я". Я не знал, что значит это "я" – не было ни образа собственного тела, ни понимания того, кто такое это "я", просто было ощущение, что я жив, "я есть". Вокруг было темно и тихо, это был мир без ощущений, в котором существовало только это "я".

Поскольку у меня не было времени, я не знаю, как долго это продолжалось, но, наверное, не очень долго. Вслед за "я" вернулись ощущения из тела, я вдруг почувствовал свои ноги. Вокруг меня по-прежнему царил темнота и тишина, будто я висел в пустоте тьмы, но я чувствовал, что это "я" имеет некую оболочку. Я знал, где кончаются мои ноги, чувствовал кончики пальцев и даже мог ими шевелить. Затем я почувствовал свои руки, одна из них прикасалась к животу, другая лежала ладонью вверх. Я попробовал согнуть пальцы, но что-то укололо меня в районе локтя.

Вернулись ощущения от кожи, или это называется проприорецепция? Какое странное слово. Откуда оно взялось в моей голове? Я понял, что лежу. Понял, что моё тело находится в горизонтальном положении, что я не подвешен в пространстве, а лежу на мягкой поверхности. Были и ка-

кие-то ощущения изнутри тела, но их было очень тяжело идентифицировать, всё тело ныло и саднило.

Я понял, что лежу на чём-то мягком, скорее всего на кровати, поверх моего тела лежало тонкое одеяло. У меня были закрыты глаза, но я не хотел их открывать. Зато стали возвращаться звуки. Я удивился от того, как много звуков вокруг. Они вдруг врезались в мой мир тишины и темноты, и разорвали эту тишину. Сначала я слышал разговоры других людей, не громкие, где-то недалеко от меня, как будто мы были в одной комнате. Слышал шуршание одежды и торопливые шаги поодаль. Слышал шум за окном: шелест деревьев, треплемых ветром, и пение птиц.

Вместе со звуками и ощущениями вернулась боль. Разрывающая, несносная, пульсирующая боль в голове. Иногда она затихала так, что я слышал чириканье птиц, а иногда она раздувалась до такой степени, что меня мутило, кружило по темному миру моей кровати, мне казалось, что я на корабле, и меня качает вместе с моей койкой. Вместе с болью в мозг врезалось какое-то воспоминание, ужасное воспоминание: всё красное, крики, плач, стоны, очень жарко, во рту всё пересохшее, хочется воды, и кружит, кружит, так, что верх и низ меняются местами.

Убаюканный нескончаемой качкой, я уснул. Не знаю, сколько я спал, но с того самого момента я начал различать день и ночь, начал различать сон и бодрствование. Тяжелого забыться в темноте уже не было, был мир, более или менее

привычный. Проснувшись, я открыл глаза. Очень хотелось пить. В голове была такая тяжесть, что одна только мысль о том, чтобы повернуть голову и посмотреть по сторонам, приводила меня в состояние вчерашней тошноты. Поэтому я смотрел прямо перед собой, но место не узнавал, все было белое: белые стены, ободранный белый потолок, белый светильник сверху.

Из любопытства я скосил глаза влево, потом вправо, ничего не увидел, но голова разболелась просто адски, и глаза пришлось закрыть. Я лежал, едва дыша, и ждал, пока тошнота уменьшится. Спать не хотелось, хотелось что-то делать, но тошнота не давала.

Я понял, что лучше не рисковать. Ничего интересного вокруг меня не было, и смотреть там было не на что, поэтому я лежал с закрытыми глазами, экономя силы, и стараясь не провоцировать больше приступов тошноты. Это длилось достаточно долго, но вот я услышал шарканье. Открыл глаза, надо мной нависала огромная женщина с колыхающейся грудью, обтянутой белой тканью.

– О, очнулся! Как самочувствие, красавец?

– Пить очень хочу, – ответил я ей вместо приветствия, едва понимая, кто она и где я нахожусь.

– Потерпи чуть-чуть. Сейчас капельницу тебе поставлю, и жажда пройдёт.

– Воды, – ещё раз попросил я, язык еле ворочался, слова давались с трудом, и я боялся опять потерять сознание. Она

или не поняла меня с первого раза, или не хотела меня напоить. Очевидно, она просто не понимала, как мне плохо.

– Нельзя пить. Может вырвать. Сейчас перехочется, потерпи чуть-чуть.

Она ловко поставила капельницу, так, что я даже не почувствовал укола, подвигала колёсико на трубке, регулируя скорость вливания, и удалилась. Я видел её мощный зад в белых штанах, колыхающийся, как круп лошади. В голове впервые возникла картинка: удаляющиеся бёдра белой лошади, обмахивающей себя жидким хвостом.

Женщина, похожая на лошадь, оставила меня одного вместе с моей жаждой, тошнотой и усталостью. Но эта короткая сценка дала мне много информации: я вспомнил, что я человек, такой же как она, что я, судя по всему, болен и нахожусь в больнице. Я попытался вспомнить, кто я и откуда, но с ужасом обнаружил огромную дыру там, где прежде была моя память. Я помнил только крики и стоны, оглушающую боль и красный цвет. На этом память обрывалась.

Попробовал заглянуть за эту красную завесу, там было пусто. Попробовал обмануть её и начать сначала, вспомнить что-то с самых первых дней моей жизни, но не было и этого. Меня охватила паника, и от этого опять закружило и затошнило.

Я нашёл способ бороться с тошнотой. В этот момент сбивалось дыхание, и я дышал часто и поверхностно. Я обнаружил, что нужно дышать как можно глубже, медленно и рит-

мично. От этого тошнота отступала быстрее. И я дышал. Лежал и дышал, и чувствовал, что медсестра не соврала, жажда прошла и язык больше не присыхал к нёбу. По венам разливалось блаженство из капельницы.

Это было странно: я помнил слова и знал их значение, например, слово "блаженство", но они не имели образов. Впервые ощутив эту сладость от того, как отступает изнуряющая жажда и уменьшается тошнота, я начал ассоциировать слово "блаженство" с капельницей.

К примеру, я знал слово "машина" и даже был уверен, что водил, но не видел ни себя внутри автомобиля, ни какой-то конкретной машины вообще: ни модель, ни марка, ни даже цвет – ничего. Я знал, что за окном поют птицы, но не мог сказать какие. При этом я помнил слова "ворона", "синица", "воробьи", но не соотносил их с определенными звуками. Я даже сомневался, увидь я птицу, смогу ли сказать, как именно она называется? Я помнил, что моих родителей зовут Люда и Николай, но я не помнил ни их лиц, ни фамилии, ни отчеств.

Я остался человеком без прошлого, будто кто-то стёр все мои предыдущие достижения, оставив меня в беспомощности и бессмысленности настоящего момента, а, не имея прошлого, я стал человеком без будущего. Никогда не задумывался (хотя, как я могу теперь это утверждать?), что прошлое так много значит для человека. Теперь я лежал на белой простыне, и не имел ни близких, ни родных, ни воспоминаний.

Я был совершенно один, эта пропасть в моей памяти отрезала меня от реального мира. Я мог бы вспомнить других людей, но в отсутствие памяти, я был абсолютно одинок.

Когда капельница кончилась, медсестра появилась опять. Я узнал её по шагам, хотя и не открывал глаз по двум причинам: на это требовалось слишком много сил, и я боялся, что она спросит меня обо мне, а я ничего не помню. Она молча убрала капельницу, и я почувствовал что-то холодное, что она подложила прямо под меня. Через некоторое время, когда я ощутил сигналы от мочевого пузыря, я понял, что это судно.

Я много спал. Сон был наилучшим средством против тошноты и позволял мне не думать о чёрной дыре своих воспоминаний. Мне удалось припомнить как я, очевидно, ещё совсем маленький, возможно, едва научившийся передвигаться самостоятельно, бегу по траве. Я бегу к маме, но не вижу ничего, кроме её ног. Добегаю, и утыкаюсь в её юбку. Это было абсолютно бесполезное воспоминание, но оно давало мне надежду, что, возможно, память вернется.

Открыв глаза я перво-наперво осмотрел свои руки. Я ничего не знал о себе, кроме того, что я мужчина. Я почувствовал это как-то инстинктивно, глядя на огромную грудь вчерашней медсестры, вот и всё. Я не знал ни своего возраста, ни рода занятий, ни семейного положения.

Я поднес ладони к лицу, но в правой руке что-то резко укололо. Я аккуратно осмотрел её, скосив глаза, и понял, что

в вену у меня пластырем вклеен катетер. Слово всплыло как-то само собой, я знал, что это "катетер", но не видел его за пластырем. Это может показаться смешным, я знал, что в вене у меня катетер, но, не видя его, понятия не имел как он должен выглядеть. Катетер объяснял, почему вчера я не почувствовал укола. Пришлось осматривать преимущественно левую ладонь.

У меня были руки взрослого человека со вздутыми венами, треснувшем ногтём на одном из пальцев, на безымянном пальце правой руки было тесное кольцо, оно жало мне, и я это чувствовал. Руки были очень твёрдые, шершавые и мозолистые, я провел ладонью левой руки по щеке, щека была небритая. Тогда я провел ладонью по шее и почувствовал, какая она сухая и натруженная. Судя по рукам, мне было лет сорок или больше, я был женат, и я был человеком физического труда, я работал руками.

Тут же в голове вспыхнуло воспоминание: весь мокрый от пота, я налегаю на рубанок, вокруг запах свежего дерева. Это воспоминание наполнило меня восторгом. Я был плотником! Память начала возвращаться. К копилке ассоциаций добавился запах дерева. Это поистине блаженство – знать кто ты.

Когда появилась медсестра, уже другая, тоще и старше, я не закрывал глаза, я помнил кто я, хоть и не помнил своего имени, но уже мог с уверенностью ответить ей. Она быстро померила мне давление и, как и другая, ловко во-

ткнула в меня капельницу, и мне пришло в голову сравнение с электрическим прибором, например, с телевизором на длинном шнуре, вилку которого вставляешь в розетку, чтобы он работал. Я обрадовался, потому что в голове возникла картинка, образ, ассоциирующийся со словом "телевизор", я помнил, как он выглядит; знал, что это за прибор; и это меня обнадёживало.

Медсестра сказала, что мне ещё нельзя вставать (да я бы и не стал, слишком часто накатывала тошнота) и что скоро меня посетит доктор. Она назвала его по имени, или сказала его фамилию, но я не запомнил.

– Владимир Николаевич? – я не услышал, как вошёл доктор, капельница ещё торчала из моей руки, и он закрыл её.

Если бы он не смотрел на меня, не подошел ко мне, я бы не понял, к кому он обращается. Значит, меня зовут Владимир? Как меня называют близкие: Вова, Влад? Логично, что отчество у меня Николаевич: я помнил, что отец Николай, но не ассоциировал себя с этим отчеством.

– Меня зовут, – и я снова не запомнил его имени. Слова просто не задерживались в голове, они проходили сквозь память, не оставляя в ней ни следа, ни даже кругов на воде после брошенного камня, будто скатывались с памяти, едва её коснувшись.

– Вы что-нибудь помните? Помните, какое сейчас время года?

Я смотрел на него во все глаза. Такого вопроса я не ожи-

дал.

– Не надо точно, скажите приблизительно, – голос у него был мягкий, успокаивающий.

– Я слышу птиц за окном, – говорить по-прежнему было не так легко, как мне казалось, – одеяло тонкое. Весна или лето. Или ранняя осень.

Доктор усмехнулся и взял меня за руку.

– Хорошо, а какой сейчас год, помните?

– Нет.

– Как вас зовут?

– Владимир Николаевич.

– А фамилия?

– Не помню.

– Хорошо, – повторил доктор, хотя хорошего ничего и не было, – вы находитесь в больнице. У вас сильное сотрясение. Пока состояние тяжелое, но опасности для вашей жизни нет. Вы поправитесь, хотя это будет происходить очень медленно. Где-то через неделю, я думаю, начнёте вставать. Постепенно память будет к вам возвращаться. Вы помните своих родных?

– Нет.

– Они будут приходить к вам. Не сегодня, через несколько дней. Это поможет вам вспомнить. А пока отдыхайте.

И он ушёл, оставив меня наедине с невесёлыми мыслями. Только когда он отпустил мою руку, я понял, что он считал пульс. Я не знал, как должно быть в реанимации, но по-

чему-то, мне казалось, там должно быть больше приборов. Приборов не было, но мне было всё равно.

Еще дня через четыре я перестал проваливаться в забытье так внезапно, теперь, наоборот, мне было сложно заснуть или отключиться из-за постоянных головных болей. Я жаловался доктору, он прописывал какие-то лекарства, мне давали таблетки, но они слабо помогали: я мог заснуть, но просыпался в пять утра от боли и не спал потом до обеда.

Я стал гораздо лучше контролировать головокружение и мне разрешили вставать, чтобы дойти до туалета. Медсестры поначалу рвались поддерживать меня, но я злился, и понемногу, как только мой голос набрал силу, они оставили меня в покое, только зорко следили и, я так думаю, молились, чтобы я не упал и не ударился головой о мойку. Честно говоря, я и сам этого боялся.

Вставание пошло мне на пользу: я опирался на затекшие конечности, и мало-помалу в них возвращалась жизнь. К тому же, подъёмы с постели помогли мне оглядеться, и я узнал, что нахожусь в реанимации, в общей палате, где на соседних койках лежат такие же бедолаги как я, едва могущие думать, не то, что говорить.

Доктор говорил, что приходила жена, но оба раза, когда я спал. Я не видел её и не знаю, сидела ли она со мной, держала ли меня за руку, честно говоря, встреча с ней меня пугала, я ведь даже не помню, блондинка она или брюнетка. Доктор сказал, её зовут Нина, и я фантазировал, как может выгля-

деть женщина, которую зовут Ниной.

В моих прогулках до туалета и обратно был и ещё один несомненный плюс. Однажды, сидя на толчке, я вспомнил, как подбрасывал вверх младенца. Может быть, это страх падения пробудил во мне это воспоминание.

Ребенок, совсем крошка, меньше года, радовался и гулил, я подбрасывал его вверх, легонько и совсем невысоко, и ловил. Я знал, что это мой сын, но не помнил, как его зовут. Из дверного проёма наблюдала жена, но она была расплывчатым синим пятном – ничего, ни лица, ни цвета волос, на даже роста.

Через некоторое время, меня перевели в неврологическое отделение. Впечатление от него было удручающее: облупленные стены; крашеные масляной краской, один на всех телевизор в холле, который не работал, потому что многим пациентам его нельзя было смотреть, а рекомендаций они не признавали; несколько коек в коридоре (не знаю, каким чудом я попал в палату); жуткая вонь от десятка пар мужских носков.

У какого-то парня, похожего на бомжа, лежащего прямо в коридоре, гнила нога. Нога была замазана зелёной по самое колено и так же безобразно замотана грязным бинтом, как и его голова. Он не двигался, ничего не говорил и только мычал. На следующее утро я его уже не видел. Наверное, его перевезли на моё место в реанимацию.

Зато в туалете отделения было зеркало. Такая простая

вещь, и такая важная! Я украдкой оглядывал своё тело, насколько оно помещалось в маленький квадрат стекла, стараюсь при этом не наклонять голову. В реанимации не было зеркала, а я не помнил даже, как я выгляжу! Я не знал, какого цвета у меня волосы, какого цвета глаза, длинен или горбат мой нос, тонкие ли у меня губы. Я боялся, что увижу в зеркале незнакомца.

Так и случилось. Сердце билось всё чаще, я видел себя, но даже не сразу понял, что это я. Не было ощущения узнавания, но и не было ощущения чужака. Я долго пялился, рассматривая свои ноздри, брови, лоб, подбородок и свежие шрамы на лице, не глубокие, просто царапины, и мне казалось, я узнаю себя. Да, определенное, это знакомое лицо, наверное, именно моё лицо. Я не мог утверждать этого точно, но я знал, что видел уже раньше этого мужчину из зазеркалья. Интересно, как я выглядел в детстве? Я не помню своих фотографий, ни одной фотографии...

Проснувшись в первое утро на новом месте, я открыл глаза и понял, что видел сон. Мне снился мой сын (я всё еще не мог вспомнить имени), сидящий на ковре и играющий с красной машинкой. Ему было года два. Он поднял на меня глаза и сказал: "папа".

Самое страшное, что я не помнил его. Я видел сон, я видел его лицо, так похожее на моё, но внутри у меня не было никаких чувств. Там, во сне, я любил его, и я помнил сейчас, по пробуждении, что у меня есть семья и я люблю их, но я не

мог ощутить снова эти чувства, у меня были воспоминания о них, но в душе была пустота и одиночество, как будто моя семья бросила меня. Были только оболочки слов: "люблю", "семья", "сын", но оболочки были пустыми, за этими словами ничего не стояло.

Пребывание в больнице было очень похоже на извращенную тюрьму: мне нельзя было читать, нельзя было смотреть телевизор, игры в карты тоже не приветствовались, карты у больных отбирали, а думать я не мог, ибо вместо воспоминаний у меня в голове зияла дыра, потому большую часть времени я лежал с закрытыми глазами, иногда открывал их и рассматривал потолок – это было моим самым большим развлечением.

Еда в больнице была омерзительная: порошковое картофельное пюре чередовалось с тушеной капустой, из мяса четыре раза в неделю была тушенка, один раз рыбные палочки и два – сосиски. Супы: щи, борщ, зелёный суп из щавеля и фасолевый выглядели одинаково. Про каши я вообще молчу. Я не помнил еды, которую я любил когда-то, в моей прежней жизни, но хорошо понимал, что это я точно не люблю.

На второй день, сидя в столовой, я вспомнил свою одноклассницу Эви. Её мама была из Латвии, а папа был русский. Мы сидели в школьной столовой, в окружении такого же гамма, шума шагов, бряцанья посуды и таких же тошнотворных запахов, на раздаче повариха тётя Галя гремела кастрюлями, а Эви, глядя на меня в упор, неожиданно взяла руками со

своей тарелки котлету и кинула её в меня.

Какая странная и своевольная штука память: я внезапно и так легко вспомнил два имени – имя школьной поварахи и одноклассницы, которая ушла из школы после пятого класса, но до сих пор не вспомнил имени сына. От этого было ужасно обидно. Так же сильно, как мне было обидно тогда, когда Эви кинула котлету. Я увернулся, на бреющем полёте кусок жареного фарша всего лишь испачкал мне волосы, но чувства обиды, несправедливости и какого-то тошнотворного отвращения были так сильны во мне тогда, что, очевидно, это воспоминание засело очень глубоко. Я помню дурно воспитанную девчонку Эви, но не помню своего сына. Вот это ирония.

На третий день пришла Нина. Я лежал после обеда, ходьба всё ещё отнимала много сил. Не физически, тяжело переносилось любое изменение положения тела: спал я на спине, не переворачиваясь, но утром приходилось медленно садиться в постели, а потом и вставать. Вестибулярный аппарат сдавался, начинало шуметь и гудеть в ушах, а к горлу подкатывала тошнота. Не представляю себе, каково приходится беременным, когда их тошнит по утрам все девять месяцев. Я завыл уже на второй неделе.

Эта мысль заставила меня задуматься: Нину тошнило во время беременности? Я этого не помнил. Но откуда-то же я эту мысль взял?

Утром я смотрел в окно. Я пропускал завтрак, потому что

поход в столовую был связан с несколькими поворотами. Идти по прямой было еще ничего, но поворачивать, вставать или садиться резко я не мог из-за головокружения. Мне нужно было сначала опереться на стул или кровать, а потом уже опустить своё тело. Если при этом я наклонял голову, подступала тошнота и меня мучило. Чтобы справиться с этим требовалось где-то от десяти-пятнадцати минут до пятидесяти, а завтрак этого явно не стоил.

Я почувствовал на себе чей-то взгляд. Пациенты возвращались с обеда, а я так и лежал. Моя кровать стояла в углу, по диагонали от входа, так, что я мог посмотреть на дверной проём, не поворачивая головы. Там стояла невысокая темноволосая женщина без халата. Мужское отделение занимало весь этаж, значит, это могла быть только посетительница, которая пришла к кому-то из нас.

Она двинулась прямо ко мне, и внутри меня всё похолодело. Представьте себе, что вам очень плохо. Вы едва справляетесь с постоянной тошнотой, с трудом передвигаетесь, и большую часть своего времени способны только лежать. Разговоры вас утомляют, о том, чтобы помотать головой из стороны в сторону в знак несогласия, или покивать собеседнику, и речи не идёт. И тут вы видите абсолютно незнакомого человека, который направляется прямо к вам с целью "задать вам несколько вопросов" (какая-то стандартная фраза, но я не мог вспомнить, откуда она). Так вот, это именно такое чувство. Чувство страха от предстоящего разговора с незна-

комым человеком.

Она подошла и села ко мне на кровать. Это испугало меня ещё больше, потому что я видел её впервые в жизни. Она долго смотрела на меня влажными карими глазами, потом взяла за руку.

– Владик, как ты себя чувствуешь?

– Ничего, уже лучше.

Так вот, значит, как она меня зовёт – "Владик". Интересно, а я её как? Нинуся, Нино, Ниночка?

– Нина, – сказал я ей. Я не собирался говорить ничего больше. Что я мог ей сказать? Я не знаю ни её отчества, ни фамилии. Да я даже не знаю, одна ли у нас с ней фамилия, или она решила не менять её после брака? А если и поменяла, какая её девичья фамилия? Я и свою-то фамилию не помню, не то, что её.

Она заулыбалась.

– Ты меня узнал! Узнал же? Ты меня помнишь?

Я молчал. Я понимал, почему она спрашивает. Она видит мой равнодушный или даже испуганный взгляд, видит, что я и бровью не пошевелил, пока она не села ко мне на кровать. Она знает, что я не узнаю её, и на её лице я точно так же читал страх.

– Не совсем, – я попытался проглотить комок в горле. Он мешал говорить. От ужаса удушливой волной снова накатила тошнота.

– А Славика, Славика ты помнишь?

Вот и выяснили, как зовут сына. А о ком же ещё она может спрашивать таким тоном?

– Помню, – мне не хотелось ее расстраивать, у неё был очень несчастный вид, – я помню, как подбрасывал его маленького и ловил, а ты стояла в дверях в синем... – и я добавил не очень уверенно, – платье.

Она улыбалась и радостно кивала. Влажные глаза её блестели налившимися ягодами слёз.

– Ещё я помню, как он играл на ковре с красной машинкой. Это было давно, – это был скорее вопрос, но я сказал утвердительно. Мне было страшно, что она обнаружит всю глубину моего незнания, и я ходил с козырей, сколько мог.

– Давно, – подтвердила она.

Я разглядывал её, на вид ей лет тридцать-тридцать пять, нельзя сказать "красивая", но мне она нравилась. Было что-то очень притягательное в её лице, что-то, что мне казалось миловидным. Я с интересом разглядывал её, изучал. Я был женат до неё? А сколько лет мы, интересно, вместе? Наверное, я привык к ней, но все это казалось чем-то из другой жизни. Это даже не походило на дежавю, я видел эту женщину абсолютно впервые и она мне нравилась не потому, что я вспомнил свои чувства к ней, или ощущал некое родство душ, нет. Просто она была симпатичная, вот и всё.

– Сколько Славику сейчас, – рискнул я, – десять?

– Восемнадцать, Владик. Ему восемнадцать. Он учится в университете. Уже на втором курсе. В приборостроитель-

ном, – слова ей давались так же тяжело, как и мне.

Я даже не помнил, один ли у нас ребенок!!! Откуда мне знать, сколько ему лет...

– Ты помнишь ещё что-нибудь? Помнишь Робина? У нас была собака Робин. Помнишь Эмму, мою сестру? Нет? Помнишь, кем ты работал?

Руки уже перестали ныть так, как ныли по началу, но мозоли еще не сошли.

– Я плотник. Я работал по дереву.

– Ты юрист. Владик, ты юрист, – она почти плакала.

– Я помню, как работал рубанком. Пахло деревом. И ты там тоже была.

– Ты делал доски для новых перилл на веранду. Это было за день до аварии, – по её лицу уже катились слёзы, она стала красная и некрасивая, громко шмыгала носом и искала в сумочке платок.

– Машина перевернулась, – продолжала она, – ты пролежал в реанимации больше недели. Был без сознания, в коме. Меня не пускали. Я приходила каждый день, – она плакала и всё не могла остановиться, – мне говорили, что ты выживешь, что ты очнёшься, и я верила, я знала, что ты очнёшься. Они сказали, память будет возвращаться не сразу, постепенно, что ты... что ты... не вспомнишь всего, не вспомнишь сразу, что, может быть... может быть, потом... а ещё иногда бывает резко, бывает, память возвращается в один момент, так бывает, – я понял, она убеждала себя. Для неё я сейчас

был всё равно, что инвалид: человек не до конца полноценный, потому что не помнил самого главного, не помнил её, нашей семьи, да, чёрт возьми, я не помнил ничего из своей жизни.

Она скоро ушла. Она сидела бы долго, но я сказал ей, что устал, и она послушно ушла. Все равно, она больше плакала, чем говорила. Её рассказ был сбивчивый, она вывалила на меня сразу кучу имён, а я не то, что не помнил: я не знал, не запоминал их, и они совсем ни о чём мне не говорили, это были чужие имена, просто оболочки, за которыми ничего не стояло, и я путался и тонул в них.

Очевидно, она говорила с лечащим врачом, потому что он зашёл ко мне после её ухода. Это был молодой татарин Руслан Ренатович, который вызывал симпатию у всех абсолютно пациентов тем, что каждый день, каждый свой обход он начинал с фразы "Здравствуйте, меня зовут Руслан Ренатович, я ваш доктор". Очевидно, он знал, каково это – ничего не помнить, он знал и то, как ужасно в пустом пространстве памяти удерживаются новые имена, и он заставлял нас делать невозможное: мы запоминали, как его зовут.

Руслан Ренатович, тщательно вглядываясь мне в зрачки, спросил, не утомила ли меня Нина, так и сказал "не утомила ли вас Нина, ваша жена"? Внимательно выслушал моё невнятное мычание и поинтересовался, вспомнилось ли мне что-то от имен, которые называла Нина. Очевидно, она передала ему наш разговор. Я ответил, что нет, не вспомнилось,

и тогда он спросил в каких обстоятельствах я вспомнил про Нину и сына. Говорить долго было тяжело, но Руслан Ренатович пользовался таким уважением, что я всё же объяснил, что Нину не помню вообще, а имя её мне сказал доктор из реанимации, имени которого я тоже не помню.

Что же касается Славика (я привыкал к этому имени), то я вспомнил его в туалете реанимации, когда очень боялся потерять равновесие и упасть. Ещё я вспомнил эпизод с Эви в столовой, и об этом тоже рассказал. По мне, так тут на лицо была общность моментов, ассоциативный ряд, но доктор оказался иного мнения.

– Известно, что эмоциональные события запоминаются лучше. Вы вспоминаете в первую очередь то, что связано с эмоциями: со страхом, отвращением, гневом. Это нормально, это естественно, ведь с точки зрения сохранения вида это самые важные эмоции.

Я слушал, пытаюсь вникнуть. Он говорил, что когда мне можно будет читать, мне нужно перечитать книги, которые когда-то мне нравились, хоть детективы, хоть фантастику, а, может быть, что-то из школьной программы, очень рекомендовал стихи. Он говорил, а я думал, почему же тогда я не могу вспомнить своих чувств ни к Нине, ни к Славику, если всё дело в эмоциях?

Когда он ушёл, я до самого ужина, а после и до ночи всё ещё думал. Мне стало страшно, что это чужие люди, которые хотят выдать себя за мою семью. Вдруг всё это какая-то под-

става? Доктор говорит мне, что мою жену зовут Нина, и она приходит. Но я не помню её, хоть убей, не помню.

Эта идея была больше похожа на бред, чем на правду. Зачем кому-то выдавать себя за мою семью? Я уже достаточно насмотрелся на облупленную краску на стенах, отвалившуюся плитку в сортире, на скромненькую реанимацию, где почти нет приборов, кроме механического тонометра и капельницы. Очевидно, я не очень богат, раз лежу в такой больнице. Поэтому деньги вряд ли могут быть мотивом. Я не помнил, не знал, как должна выглядеть больница, не имел в голове образов к словам "богатый" и "бедный", но душой понимал, что это не обман. Я хотел верить.

Я не помнил их: ни Нину, ни Славу, и они казались мне чужими людьми, и это представлялось мне довольно жутким. Что я скажу родителям, когда они приедут меня проводить? Я знал, что не узнаю их, и не почувствую ничего, как не чувствую ничего сейчас к своей семье. Это меня мучило и пугало.

Странно, но мне это казалось совершенно несвязанными вещами: я не помню человека, но моё сердце должно подсказать, что это близкий и родной мне человек, разве нет? Почему мои чувства так же забыты, как имена и лица? Придут ли они ко мне опять, эти забытые чувства, или, вдруг, я вспомню Нину, но не смогу её полюбить заново?

Я уже почти засыпал, преследуемый такими невесёлыми мыслями, как вдруг в памяти всплыл кусочек сегодняшне-

го разговора: "ты юрист". И я вздрогнул от ужаса. Плотник может вспомнить своё ремесло, может научиться каким-то вещам заново. Я помнил движения рубанка, даже не я, мои руки помнили всё: шершавую поверхность и тяжесть, и силу, с которой нужно было давить, и скорость, с которой нужно было скользить по поверхности доски. Но мой мозг не помнит ничего, что касается права. В какой области я был юристом? Что я делал по работе? Чем я занимался? Мне придётся изучать все законы сначала, с чистого листа. Меня охватило отчаянье: я не помню ничего, из того, что было важно мне когда-то, не помню того, что было смыслом моей жизни... Моё существование стало таким же пустым и бестолковым, как моя память. Отсутствие прошлого лишало меня всякой надежды на будущее. Мне предстояло самому быть чистым листом в жизни без смысла.

Я очень плохо спал. Мучили кошмары, какие-то крики, меня опять тошнило, всё кружилось вокруг, кругом был страх, безотчетный, первобытный животный страх. Я проснулся в ужасе и холодном поту, и лежал до самого рассвета.

Всё утро меня мутило, но я всё же ходил на завтрак, потому что после бессонной ночи чувствовал себя вконец разбитым. Кофе нам не давали, но я сделал себе очень сладкий чай, и тошнота прошла, мне даже удалось задремать.

После обеда пришла Нина и принесла альбом с фотографиями. Я привыкал к тому, что каждый день ко мне будет

приходить чужая женщина, от которой пахнет незнакомыми духами. И я должен быть с ней вежливым, потому что она моя жена. Она принесла мне какие-то фотографии, и я должен посмотреть их из уважения к ней.

Это был наш свадебный альбом и, хотя я никого не узнавал, смотреть его было интересно. На Нине было длинное белое платье, оно ей очень шло, но я заметил, что платье было не с таким широким подолом, какие обычно бывают свадебные платья. Я удивился, что вспомнил это, в голове был образ какого-то белого платья, но на манекене, без лица, и сказал ей, она закивала: да-да, тебе и мне никогда такие не нравились.

Я узнавал себя. Теперь я знал, как выглядит моё лицо, и на каждой фотографии оно было рядом с лицом незнакомки, сидящей напротив. Мы улыбались, и это было приятно, хотя на фотографиях мы казались мне чужими людьми: оба – и она, и я.

Она показала мне своих родителей и сестру Эмму, показала моих родителей. Люда и Николай. Я не узнал их. Нина сказала, они сегодня вылетят, чтобы приехать ко мне.

– Откуда? – спросил я.

– Из Калининграда. Они живут в Калининграде.

В голове было пусто. Ни единого воспоминания, ни единой зацепки. От этого опять подкрадывалась тошнота. Я не мог вспомнить, и это мучило меня. Я хотел начать новую жизнь с чистого листа, но это было ужасно, потому, что я не

помнил, что я люблю, а что нет. Я не знал, что мне нравится, что составляет суть моей жизни, что составляет моё "я", и что за люди меня окружали. Всё, что было для меня ценным и важным просто перестало существовать, потому, что я этого не помнил.

Я перевернул страницу и там лежал засушенный белый цветок. Я взял его в руку, и в голове вдруг вспыхнула и ожила картинка: удушливый запах шиповника, летний зной, оглушительное стрекотание кузнечиков, мокрые от пота ладони, я и она держимся за руки, у меня бешено стучит сердце и по спине тоже течет пот от жары и от ужаса, заикаясь, я прошу её выйти за меня замуж, и жутко боюсь, что она откажет.

Я посмотрел на неё. Напротив меня сидела темноволосая красивая девушка с большими и добрыми карими глазами, та самая девушка из моего видения, только немного старше. Я держал в руке плоский и хрупкий цветок шиповника, готовый рассыпаться в прах, цветок, пролежавший между страницами около двадцати лет, и я знал, что это именно шиповник, что это тот самый цветок, который я сорвал с куста и протянул ей, предлагая стать моей женой. Я по-прежнему не помнил нашего сына, не знал своей фамилии, не знал, одна ли у нас с ней фамилия, но я помнил, как она сказала "да" в тот момент, почти двадцать лет назад, я очень хорошо помнил сладкий запах шиповника, будто вдыхал его прямо сейчас, а главное – я помнил Нину, помнил её улыбку, свой страх и своё счастье, когда она согласилась.

Я не вспомнил всего, но в этот момент вернулось чувство любви к ней. Это было подобно озарению: в один момент я вдруг понял, что до сих пор люблю её. Теперь я ей верил, я знал, что она моя жена, и я её помнил. Помнил, как любил её тогда, и знал, что люблю теперь. Помнил, как замирало сердце, как я сжимал её пальчики, сжимающие этот самый цветок, помнил безграничный океан ласки и нежности.

Буквально в одну секунду она превратилась для меня из чужой незнакомки в родную и любимую жену. По венам растеклось тёплое блаженство узнавания: откуда-то изнутри, из груди что ли поднялась и разлилась по телу горячая волна, я будто впервые вдохнул полной грудью. Это тепло захватило меня, Нина показалась мне такой привычной, такой "своей", я перестал чувствовать себя напряженно в её присутствии, наоборот, от того, что она рядом мне стало спокойно. Хотелось обнять её и погладить по волосам.

Она смотрела на меня, начиная понимать, но, видимо, боялась поверить, чтобы не разочароваться. Глаза её блестели, напряженно вглядываясь в меня, она застыла в ожидании. Между нами что-то изменилось: исчезло расстояние, исчезла неловкость, исчезло ощущение чужого. Я действительно её узнал. Узнал её волосы, её глаза, её голос, её руки, её пальцы, её духи.

Я сказал ей: я тебя помню. Помню, как делал тебе предложение, а ты засушила этот цветок. Я помню.

Я не успел договорить, как Нина кинулась мне на шею, я

стиснул её в объятиях и, кажется, сломал сухой шиповник. Но это не имело никакого значения: ведь у меня появился смысл, я вспомнил самое главное, то, ради чего я буду продолжать жить. Я вспомнил свою любовь к ней, и вместе с этим воспоминанием что-то внутри меня ожило, давая надежду и веру в то, что я смогу вспомнить себя, я смогу заново найти то, что будет наполнять мою жизнь.